КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. Москва
28 ЯНВ 1987

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Главный режиссер Центрального детского театра Алексей БОРОДИН отвечает на вопросы нашего корреспондента

УСЛЫШАЛ однажды в кондитерском магазине, как мальчик сказал продавцу:

— Мне триста граммов «Счастливого детства».

Получив сладости в красивых бумажках, мальчик ушел. Я подумал тогда, что дать такое название конфетам мог только очень взрослый человек, давным-давно позабывший свое детство, которое наверняка не было сладким, как вообще не может быть сладкой обыкновенная жизнь обыкновенного человека — особенно если он мал и только начинает осваиваться в большом, таком непростом мире...

Обычно тишины не дождешься, когда театральный зал полон детей и подростков. Если постановка их не захватывает — перешептываются и пересмеиваются от скуки, если захватывает или веселит — хохочут, шумно выражают свой интерес.

А тут была тишина. В Центральном детском театре шел спектакль «Ловушка № 46, рост второй» по пьесе Юрия Щекочихина. Я видел напряженные лица зрителей, их глаза... Ребята смотрели на сцену и узнавали себя, дни своей жизни — сегодняшней, наполненной страстями и конфликтами, болью и страхом, борьбой добра и зла — не сказочных, не придуманных, а взятых прямо с улицы, со двора, из подъезда.

«Мы твердим «трудный возраст», «трудный возраст», чаще всего подразумевая под этим, как нам, взрослым, бывает трудно с ними. Хотя им с собой еще труднее. Для реальных прототипов эта история стала уроком, и я хочу, чтобы этот урок стал открытым». Эти слова произносит один из персонажей спектакля — Журналист, размышляющий о «горьких сладостях» детства.

— Скажите, Алексей Владимирович, а для театра и для вас, как главного режиссера, этот спектакль стал уроком?

— Удивительно видеть, как быстро возникает в зрительном зале напряженное внимание к тому, что происходит на сцене. Если спектакль заинтересовал подростков, то, может быть, потому, что они увидели и услышали в нем правду о себе — ту правду, которую не «проходят» на школьных уроках, о которой неохотно говорят родители и учителя.

Еще десять лет назад подростки, обиженные высокомерием взрослых, прятали свою обиду за иронией, за этакой циничной бравадой — это было довольно распространенное явление. Но тогда все-таки оставалась возможность хотя бы для такого контакта с ними. Теперь куда хуже: возникает глухая стена. Появилось множество малолетних конформистов, которым уже абсолютно все равно — слушают их или нет, разговаривают с ними или молчат. Для меня эти молодые люди воплощаются в образе юноши, идущего по улице с наушниками на голове. Его внимание занято лишь тем, что он слышит, все остальное он просто не воспринимает. Но я не решаюсь осудить его за эту демонстрацию отрешенности. Я знаю, он не снимет наушники, пока не поверит, что здесь, в ближайшем окружении, есть что-то интересное и важное для него.

Самая главная и, наверное, самая трудная наша задача сегодня — вернуть доверие молодых.

Большинство взрослых полагает, что они очень хорошо знают молодежь и понимают ее проблемы. Дети часто слышат в свой адрес: «У вас не жизнь, а подготовка к жизни. Хорошо учитесь, будьте честными, уважайте старших». Как мы наивны: разве можно требовать к себе уважения, поглядывая свысока? Это чувство может существовать только на взаимной основе. Если мы хотим действительного, искреннего уважения детей, нам следует для начала спуститься со своего взрослого «пьедестала», заглянуть им в лицо, постараться понять, что их волнует и мучит, что причиняет им боль, вызывает радость, восторг, неуверенность, ненависть, страх... И я могу сказать, что во время спектакля мы это увидели — не только на сцене, но, главное — в зале, в глазах наших зрителей. Спектакль, если можно так выразиться, сбил взрослую спесь — и с театра, и с меня лично.

— Мы все должны быть участниками большой перестройки, это аксиома. Какова здесь роль театров и в частности детских?

— Безусловно, театр — вместе с другими искусствами — одно из сильных средств воздействия на духовный мир людей, на состояние нравственной атмосферы в обществе. Беда в том, что это средство сегодня плохо используется, и в первую очередь это относится к детскому театру. Почему? Да потому, что мы утратили своего зрителя. В недавнем прошлом на наших сценах было засилье так называемых «школьных» пьес — про «двоечников» и «пятерочников», про хорошую учительницу и плохого ученика, который под ее влиянием становился хорошим, и действие ограничивалось стенами школы или квартиры... Подобные пьесы и спектакли по ним — та самая фальшь и полуправда, которая хуже лжи, а дети особенно чутко реагируют на это.

Люди, призванные руководить театральным процессом, привыкли требовать, чтобы все на сцене было в рамках «правил», чтобы театр говорил то, что «можно», и не говорил, чего «нельзя». Когда побеждает чиновничье мышление, когда от театра требуют, чтобы он не воспитывал, а «обслуживал» зрителя, создается обстановка, нетерпимая для лучших людей театра — творческих, думающих — они уходят. Сейчас положение начинает понемногу меняться к лучшему, но еще совсем недавно в половине ТЮЗов страны не было главных режиссеров! А драматургия? Кто пишет для ТЮЗов? Очень немногие, это занятие считается каким-то несерьезным, «непрестижным».

Кроме того, детских театров у нас просто мало. Даже в Москве, где театральная жизнь никогда не затухала, на девять миллионов жителей — всего два детских драматических театра. Это — ничто! Театр для детей должен быть в каждом районе столицы, в каждом областном центре. И каждый взрослый театр обязан иметь в своем репертуаре серьезные постановки для юного зрителя.

— Алексей Владимирович, вы сказали, что театр должен говорить правду о жизни, и чем полнее правда, тем сильнее она воздействует на зрителя. Но ведь детские театры в этом смысле находятся сегодня в сложном положении. Нам, взрослым, бывает достаточно сказать друг другу то, что мы знали, но о чем по тем или иным причинам умалчивали, скрывали от самих себя,— и это уже будет правда или во всяком случае существенная часть ее — иногда неприятная, но необходимая, как горькое лекарство. Но должны ли мы и нашим детям прописывать это лекарство? Или суровую правду о жизни надо им говорить, но в каком-то адаптированном виде?

— Адаптация правды, ее «перевод со взрослого на детский», желание сделать из горького лекарства сладкую конфету в красивой обертке — это как раз то, что привело нас к сегодняшнему печальному положению дел: детские театры утратили своего зрителя и перестали существовать как значительное явление культуры. Речь идет не только о подростках, но и о младшем возрасте, о самых маленьких. Чем младше ребенок, тем он доверчивей, и обманывать его — грех непростительный. Плохо, если маленький зритель сразу поймет, что театр — это всего лишь веселая забава, что на сцене все не как в жизни... Сказка ложь, но в ней содержатся важные истины, которые должны быть восприняты всерьез. А это возможно только при высоком художественном уровне постановки. Василий Шукшин сказал: «Нравственность есть правда». В нашем случае это можно повернуть несколько другой стороной: художественность есть правда.

— Мы снова возвращаемся к тому же: надо дать молодым слово, пусть выскажутся. Опыт вашего театра доказывает эффективность и плодотворность этого пути... В ближайшее время развернется крупномасштабный театральный эксперимент. Наверное, он откроет новые возможности для творческого становления молодых режиссеров и актеров, которые смогут в полной мере выразить боли и надежды своего поколения?

— Эксперимент — дело очень нужное, давно назревшее. В нем заложено много хорошего, и прежде всего принцип самостоятельности в работе театров, расширение демократических основ жизни творческого коллектива. Но пока эксперимент имеет один существенный недостаток: он неварианте. Он один для всех. А ведь условия везде разные, кое-где весьма ограниченные, особенно в театрах для детей. Например, у нас есть малая сцена, и хотелось бы отдать ее «на откуп» творческой молодежи: пусть пробуют, пусть ошибаются, исправляют ошибки — это лучший способ творческого становления. Но я не уверен, что мы сможем пойти на это. Малая сцена для нас — важное подспорье в главной работе. У нас стабильная и довольно большая труппа актеров — семьдесят человек. Мы выпускаем в сезон три-четыре спектакля... Если бы в Москве было не два, а двадцать два драматических детских театра и хотя бы половина из них имела филиалы — это были бы прекрасные условия для «тюзовской революции»... Еще один важный резерв — студии при театрах: вот где простор для смелого поиска.

Но это лишь одна сторона дела. Другая состоит в том, что театральная творческая молодежь, к сожалению, часто проявляет пассивность. Театральные институты и режиссерские факультеты многое дают студентам, а гражданственность, социальная активность — эти «дисциплины» часто остаются на втором плане.

Думаю, именно это должно стать главным условием большого обновления в театральной жизни: уверенности каждого, кто причастен к нашему делу, в том, что профессия режиссера, актера, драматурга, художника — не его личная собственность, а общественное достояние, которое необходимо реализовать с максимальной пользой для общества.

...Перед началом представления зрители услышали слова, обращенные к ним со сцены:

— Сохраните ваши билеты до конца спектакля. Когда будете выходить из театра, опустите билет в один из трех ящиков — красный («понравилось»), синий («не понравилось») или желтый («затрудняюсь ответить»).

У выхода я задержался. Минут пять наблюдал, как ребята толпятся возле красного ящика, тянут руки с билетами: спешат проголосовать «за».

К синему ящику не подошел никто.

И. ЛИТВИНЕНКО.